

**Стенограмма информационного сообщения И.Т. Фролова
на заседании редколлегии журнала «Вопросы философии»
о проходившем в Вене философском конгрессе. 12 сентября 1968 г.
Предисловие к публикации**

© 2020 г. Г.Л. Белкина^{1*}, С.Н. Корсаков^{2**}, М.И. Фролова^{3***}

^{1, 2, 3} *Институт философии РАН,
Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.*

* *E-mail: mariafrolova@yandex.ru*

** *E-mail: snkorsakov@yandex.ru*

*** *E-mail: mariafrolova1@yandex.ru*

Поступила 02.02.2020

В августе 1968 г. в Вене состоялся XIV Всемирный философский конгресс. В Конгрессе участвовала делегация нашей страны, в которую входили и представители редакции журнала «Вопросы философии»: главный редактор журнала И.Т. Фролов и заведующий отделом критики и библиографии Л.Н. Митрохин. Мы предлагаем вниманию читателей уникальный документ: стенограмму выступления И.Т. Фролова на заседании редколлегии журнала «Вопросы философии» с рассказом об итогах Венского философского конгресса и своих впечатлениях от него. Документ был обнаружен Группой по изучению творческого наследия академика И.Т. Фролова Института философии РАН в архиве И.Т. Фролова. Он представляет ценность, в том числе и потому, что Л.Н. Митрохин так и не опубликовал планировавшийся им очерк о Венском философском конгрессе.

Ключевые слова: «Вопросы философии», Всемирный философский конгресс в Вене, И.Т. Фролов, Л.Н. Митрохин, М.Б. Митин, Г. Веттер, Ю. Бохеньский.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–6–92–102

Цитирование: *Белкина Г.Л., Корсаков С.Н., Фролова М.И.* Предисловие к публикации. Стенограмма информационного сообщения И.Т. Фролова на заседании редколлегии журнала «Вопросы философии» о проходившем в Вене философском конгрессе. Публикация и примечания Г.Л. Белкиной, С.Н. Корсакова, М.И. Фроловой // *Вопросы философии.* 2020. № 6. С. 92–102.

Foreword to the Transcript of I.T. Frolov's Speech at the Meeting of the Editorial Board with a Report on the Results of the Vienna Congress of Philosophy

© 2020 Galina L. Belkina^{1*}, Sergey N. Korsakov^{2**}, Maria I. Frolova^{3***}

^{1, 2, 3} *Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.*

* *E-mail: mariafrolova@yandex.ru*

** *E-mail: snkorsakov@yandex.ru*

*** *E-mail: mariafrolova1@yandex.ru*

Received 02.02.2020

The tradition of organizing World Congresses of Philosophy started in 1900. In August 1968, the XIV World Congress of Philosophy was held in Vienna. It was attended by more than three thousand philosophers. The following topics were proposed for discussion at the Congress: "Spirit, peace and history", "Freedom: responsibility and decision", "Language: semantics and hermeneutics", "Philosophy and ideology", "Philosophy and science". Soviet delegation also took part in the Congress. It included representatives of the "Voprosy Filosofii" journal: the Chief editor I.T. Frolov and the head of Department of criticism and bibliography L.N. Mitrokhin. We offer our readers a unique document: the transcript of I.T. Frolov's speech at the meeting of the editorial Board with a report on the results of the Vienna Congress of Philosophy as well as his personal impressions. The document was discovered by the Group studying the creative heritage of academician I.T. Frolov (Institute of philosophy, Russian Academy of Sciences) in the archive of I.T. Frolov.

Keywords: "Voprosy Filosofii", World Congresses of Philosophy, World Congress of Philosophy in Vienna, I.T. Frolov, L.N. Mitrokhin, M.B. Mitin, G. Vetter, Yu. Bohensky.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-6-92-102

Citation: Belkina, Galina L., Korsakov, Sergey N., Frolova, Maria I. (2020) "Foreword to the Transcript of I.T. Frolov's Speech at the Meeting of the Editorial Board with a Report on the Results of the Vienna Congress of Philosophy", *The Transcript of I.T. Frolov's Speech at the Meeting of the Editorial Board with a Report on the Results of the Vienna Congress of Philosophy*, Publication by Galina L. Belkina, Sergey N. Korsakov, Maria I. Frolova, *Voprosy Filosofii*, Vol. 6 (2020), pp. 92-102.

Всемирные философские конгрессы проводятся с 1900 г. В 1968 г. на XIV Конгресс в Вене съехалось около трех тысяч философов. Для обсуждения были предложены следующие темы: «Дух, мир и история», «Свобода: ответственность и решение», «Язык: семантика и герменевтика», «Философия и идеология», «Философия и наука»; см.: [Старостин 1977, 421]. Читатели, которые заинтересуются подробностями работы этого Конгресса, могут ознакомиться с томами документов [Gabriel (ed.) 1968] или с обзором выступлений членов советской делегации, помещенным в первом номере журнала «Вестник АН СССР» за 1969 г.

Вообще говоря, источники для изучения нашей философии распределены по времени очень неравномерно. Ситуация с философией начала XX в. вполне удовлетвори-

тельна. Кто исследует советскую довоенную философскую жизнь, знает, что в Архиве РАН хранится множество нечитанных пока стенограмм заседаний Института философии этого времени, они ждут своего часа. В юбилейном издании к 70-летию «Вопросов философии» помещены сканы документов Агитпропа ЦК ВКП(б), относящиеся к жизни журнала в 1940–50-е гг. С другой стороны, на сайтах ведущих философских институций исследователю доступны видеозаписи, отражающие философскую жизнь первых двух десятилетий XXI в.

1960–70-е гг. наиболее изучены в философском отношении. Вместе с тем, документы, которые давали бы картину повседневной философской жизни тех лет, практически отсутствуют. Нет, например, стенограмм заседаний редколлегии журнала «Вопросы философии».

В этой связи публикуемый документ приобретает особую ценность, так как показывает жизнь нашего философского сообщества во всем ее многообразии. Он отражает, в частности, переход от преимущественно идеологического языка текстов, публикуемых в журнале «Вопросы философии», к языку чисто профессиональному. И.Т. Фролов прямо декларирует это как принципиальную линию нового руководства журнала. Весьма ценны и приводимые в стенограмме свидетельства растущего авторитета «Вопросов философии» в мировом философском сообществе 1960-х гг. Как и в реальной жизни, в стенограмме важные темы и сюжеты соседствуют с менее значительными, но не менее характерными для понимания духа эпохи. Чего стоит, например, история обмена любезностями между сталинистом Митиным и иезуитом Ветгером! Любители философии и «Вопросов философии», несомненно, прочтут стенограмму заседания редколлегии 1968 г. с интересом и пользой.

Ссылки – References in Russian

Старостин 1977 – *Старостин Б.А.* Философские конгрессы международные // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1977. Т. 27. С. 421–422.

References

Starostin, Boris A. (1977) 'International Congresses of Philosophy', *Bolshaya sovetskaya entsiklopediya*, Vol. 27 (1977), pp. 421–422 (in Russian).

Gabriel, Leo, Ed. (1968) *Akten des XIV International Kongresses für Philosophie*, Bd. 1–12, Herder-Verlag, Wien.

Сведения об авторах

БЕЛКИНА Галина Леонидовна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН.

КОРСАКОВ Сергей Николаевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

ФРОЛОВА Мария Ивановна – научный сотрудник Института философии РАН.

Author's Information

BELKINA Galina L. – CSc in Philosophy, Senior Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

KORSAKOV Sergey N. – DSc in Philosophy, Leading Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

FROLOVA Maria I. – Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

Стенограмма

И.Т. Фролов, главный редактор:

– Я расскажу о самых общих и, естественно, сугубо личных впечатлениях, потому что, видимо, товарищи, которые ездили в составе официальной делегации, будут докладывать об итогах этого Конгресса.

Начну с практических вещей. В частности, мы договорились насчет того, что мы будем широко освещать результаты Конгресса, в течение года извлекая материалы для нашего журнала, проводя освещение в разных формах – обзоров по секциям, взятия интервью у отдельных ученых и т. д. Об этом мы договаривались, но я должен с глубоким сожалением заявить, что, видимо, от этого намерения придется отказаться, потому что, по моему мнению (подчеркиваю – сугубо личному мнению), этот Конгресс не даст материалов для такого широкого освещения, тем более чего-то нового для нас в журнале и проч.

Поэтому мы вместе с Л.Н. Митрохиным – членом нашей редколлегии, – наблюдая за работой Конгресса и участвуя в его работе в разных секциях, решили, что это будет что-то в виде живого рассказа – очерка, который напишет Л.Н. Митрохин, собрав предварительно определенные материалы из других секций. Это будет содержательный рассказ о работе определенных секций, не в виде сухого отчета. Я привез два огромных тома протоколов, и будет еще дополнительный том.

Нам приходится выступать без предварительных публикаций. Я заранее текст не писал. Так сделал Веттер¹, но он сделал это с расчетом, поскольку председательствующий на Конгрессе обратился к докладчикам: ради бога не говорите то, что опубликовано и написано. – Мшвениерадзе² сказал, что он будет говорить только 70% из того, что было сказано, а 30% – заново. Веттер опытный человек, он прочитал текст сразу и потом приложил к протоколу. Я делал так же, но по другой причине. Почему я с самого начала говорю о себе и о Веттере? Потому что мне пришлось провести много времени на Конгрессе в Вене, мы с ним беседовали, и мы с Митиным³ были его гостями. Он нас угощал пивом, а сам ел мороженое. Он выявил очень интересные позиции.

Атмосфера на Конгрессе была очень нервная. Ясно, почему: события в Чехословакии, позиция австрийского правительства, австрийской прессы, ее исключительно враждебная реакция в отношении Советского Союза. Даже позиция австрийской Компартии исключительно враждебная по отношению к нам. На заседании ЦК партии, когда обсуждался этот вопрос, была принята резолюция, осуждающая действия наши и других братских стран по поводу ввода войск в Чехословакию. Была принята очень резко отрицательная резолюция. Правда, шесть членов ЦК голосовали против этой резолюции, в том числе, и наш коллега, я с ним встречался – Вальтер Холличер⁴, который вследствие этого находится не в очень хорошем положении. Правда, потом отношение и обстановка несколько изменились. Я бывал не один раз в Австрии, знаю многих товарищей из австрийской компартии, встречался и на этот раз, разговаривал, и даже в течение десяти дней заметил некоторую эволюцию в сторону более рассудительного отношения ко всем этим событиям и даже некоторого смущения – в связи с тем, что они поставили себя в затруднительное положение, не оставив, как политики, ничего для последующего маневра. Это я заметил у Фюрнберга⁵, с которым разговаривал.

Короче говоря, обстановка была очень напряженной, и было сделано все для того, чтобы на этом Конгрессе выявилось и обернулось все, естественно, против нас. Поскольку на Конгресс с самого начала вынесли (это сделали наши философы) в связи со 150-летием со дня рождения К. Маркса проблему «Маркс и современность», был коллоквиум по Марксу «Вопросы философии и идеологии». Такие вопросы мы, кажется, на прошлом заседании, как теперь показала практика, несколько неосмотрительно вынесли, то есть мы сами дали повод для всех этих рассуждений и разговоров. Интересная в связи с этим произошла эволюция.

Я не буду присутствовать на следующем заседании редколлегии, так как поеду в Ленинград. Вы на этом заседании редколлегии будете обсуждать статью Дмитрия

Ивановича Чеснокова⁶ «Философия и политика». Это очень актуальная тема, и как она там звучала, следует учесть. Дело в том, что, в отличие от многих предшествующих лет и от ортодоксальной общей точки зрения, советские философы на этом Конгрессе отстаивали позицию разделения философии и политики, просили не смешивать философию с политическими проблемами и оставаться на почве философии и т. д., так что вы это учитывайте при обсуждении статьи Дмитрия Ивановича Чеснокова. Если говорить серьезно, видимо, нужны и в разработке этих проблем какие-то более фундаментальные, более научно-обоснованные положения, опираясь на которые мы могли бы занимать весьма прочные позиции. Я думаю, что это нужно скорректировать в этой статье.

Заканчивая описание общей обстановки, я бы отметил диспропорцию между тем видимым накалом, который достигался в прессе, на радио, и общей реакцией населения, в том числе венцев. Это мы ощущали, когда приходилось встречаться. Мы предполагали, что будет действительно как-то неуютно. В прошлые годы, когда я ездил в Вену, я себя не чувствовал там неуютно. Теперь, читая прессу и разговаривая с людьми, чувствовалось, что очень многое раздувалось. В первое время они были несколько напуганы, потому что предполагалось, и это пресса раздувала, наше вторжение, нарушающее нейтралитет Австрии. Но когда все это исчезло, реакция населения была уже иной.

Я уже говорил, что обсуждалось на пленарных заседаниях, и я не буду подробно об этом рассказывать (может быть, вы видели программу). Я бы сказал, что уровень прочитанных на этом Конгрессе докладов был весьма невысоким. Повторяю, это личное мое мнение. С большой натяжкой можно назвать этот Конгресс философским. В основном, это были идеологические и политические проблемы на довольно невысоком уровне обсуждения. Лично у меня, поскольку я впервые участвовал в философском Конгрессе и много участвовал до этого в политических дебатах, создалось впечатление чего-то промежуточного, где с точки зрения профессиональной философский уровень весьма слаб, а с точки зрения профессионально-политической еще ниже. Я, в общем, был разочарован и на второй день попросил, чтобы мне заказали билет, дабы я мог улететь пораньше, а если нельзя, то 10-го, что я и сделал, а вся наша делегация возвратится 13-го. Мне показалось, что на эти Конгрессы собираются люди, которые при помощи такого общения, представительства и т. д. заявляют о себе как о философах, потому что крупные философы на Конгресс не приехали и вообще не ездят. Некоторые приехали, но они приехали в Вену в связи с Конгрессом, а не на Конгресс. Крупные ученые-философы их игнорируют. Я не знаю, является ли крупным философом Айер⁷, но он вел себя на Конгрессе очень дешево. Крупному философу, может быть, и не надо себя рекламировать, но Айер занимался этой рекламой постоянно. Мое общее впечатление об этом Конгрессе: он не был сильным. Кроме того, там огромное количество антикоммунистов, специалистов по антикоммунизму, НТСовцы^{*}, белогвардейцы. Относительно разведчиков я не знаю, поскольку они себя не рекламировали, это естественно, но можно предположить, что и в этом смысле там были. Поремский⁸, один из руководителей НТС, привел целую бригаду, гоп-компанию, состоящую из разных людей, в том числе и специалистов по журналу «Вопросы философии». Один из его заместителей, Артемов⁹, занимается нами. Мы были довольно тесно связаны с немецкими, польскими философами. Когда они меня видели, спрашивали: а где же твой телохранитель? А, вот он, – он стоял в пяти шагах. Это был постоянный, вечный спутник. Я всегда клал рядом с собой несколько листиков бумаги, он подходил и спрашивал: а сесть тут можно? Для меня это не такая сложная вещь, поскольку такие ситуации бывали, но, в общем, это неприятно. Мне было обидно. В Вене можно было бы иметь интересные встречи с людьми, поговорить.

Рядом с советской философской литературой они развернули свою выставку – издательство «Посев», журнал «Грани». Они очень рекламировали эту литературу

^{*} Члены Народно-Трудового Союза российских солидаристов.

(на русском языке). Обстановка довольно примитивная, рассчитанная на кого-то. И были основания рассчитывать. Я и Митрохин, как представители журнала, подробно познакомились с литературой, мы не хотели обходить за километр эту выставку. И с ними познакомились. Были кое-какие разговоры, чтобы выяснить – что именно они принимают против нас.

Я хотел знать, в частности, чем вызван интерес к нашему журналу и как препарируется и подается этот интерес, в каких ракурсах это используется и т. д.

Естественно, что они по-своему комментируют те изменения, которые произошли в руководстве редколлегии¹⁰, но в результате этого не ожидают никаких изменений в философском направлении журнала, но всячески подчеркивают, что было бы неплохо, если бы журнал обратился к традиционной философской русской проблематике, в частности религиозной, через постановку проблемы человека, его души и т. д. Того, что выходит за рамки сциентизма, который разъедает и захлестнул в том числе и этот журнал, что, естественно, не соответствует потребностям, в частности, русской души и, что, видно, в связи с этим вас плохо читают, поэтому «Грани» и компенсирует этот недостаток... Таковы их позиции.

Чего еще они хотели – я не знаю. Работают они довольно грубо, с пропитыми лицами, и отношение к ним такое, и они чувствуют это отношение. Но нужно сказать, что руководители Конгресса поступили в этом смысле нейтрально. НТСовцы говорили, что ни на одном из предыдущих Конгрессов их не учитывали как какую-то самостоятельную единицу, а тут дали возможность развернуть выставку и «дирижировать» хором. Антисоветские, истеричные выкрики были, были попытки сорвать отдельные выступления, были личные оскорбления. Все это было на Конгрессе, правда, я подчеркиваю, в первые дни, потому что дальше это стало уже не нравиться даже тем буржуазным участникам Конгресса, которые вначале были рады тому, что такая антисоветчина развернулась. Это стало их коробить, так как это стало принимать слишком грубые формы. Это слишком далеко от философии и было очевидно, как этим дирижируют эти люди, и ясно, по каким соображениям. В этом плане очень отрицательную роль играли чешские философы, которые там были. Официально они держались лояльно, сами не выступали, но организовывали через подставных лиц такие выступления, в которых ставились эти вопросы в форме, в которой, естественно, невозможно было их обсуждать, тем более в первые дни Конгресса, потому что это увело бы работу Конгресса в сторону, и ничего философского от Конгресса не осталось бы.

Главой делегации у нас был Петр Николаевич Федосеев¹¹. Вначале фигурировал Ф.В. Константинов¹². В последние дни был назначен П.Н. Федосеев, и он в присутствии ему стилие спокойно рассказывал о политических позициях, в том числе и в связи с Чехословакией. В то время уже не было никакой истерии, никаких криков, было спокойно, и П.Н. Федосеев выслушал и ответил на много разнообразных вопросов.

Работали секции. Мы в обзоре все расскажем. Я участвовал в секции натурфилософии. Была секция теории познания, теории науки. Там тоже выступали чешские философы.

Я не хотел ехать на Конгресс и не был заявлен в этих работах, но я увидел, что в некотором смысле было полезно съездить. Мы с Митрохиным на этом Конгрессе завели огромное количество знакомых, контактов, как это называется, как официальные представители журнала, с философами разных стран. Надо сказать, со стороны всех стран, и в особенности США, Западной Германии, проявляется очень большой интерес к нашему журналу, его хорошо знают. Во многих случаях обнаруживалось детальное слежение, потому что известны все изменения, они анализируются, комментируются, в связи с этим задаются вопросы. Было очень много наших авторов, в том числе Говард Парсонс¹³, отличный малый. Был Кроссер¹⁴. Я сказал с самого начала, что мы планируем статью. Как истинный американец, он дал номер счета, на который надо перевести гонорар. Потом я познакомился с Данэмом¹⁵. Он был с супругой. Мы с ним беседовали. Сказали с Митрохиным очень много хороших слов, не решившись сказать, что мы отклонили статью. Нас американцы хорошо принимали, в отличие от чехов.

Меня лично многие чехи знают, но они просто меня не замечали. Американцы резко отрицательно выявляли идеологические позиции, но в личном общении ничего этого не было, и скорее наоборот. И, поскольку была хорошая встреча, мы смалодушествовали и решили сказать о статье в конце пребывания. Я уезжал 10-го, я сказал Митрохину: я совсем забыл (он-то забыл, а я – нет) – объяви Данэму, что мы отклонили его статью...

Я уже упоминал, что у меня были встречи с Веттером. До этого я его не видал. Он сам подошел ко мне (у нас у всех были таблички с фамилиями) и сказал: товарищ Фролов (он сказал, чтобы мы его звали Густавом Ивановичем, а он меня называл Иваном Тимофеевичем), я хочу с вами познакомиться. Он мне не задавал никаких вопросов – кто я, откуда, так как уже ему все было известно, а просто сказал, что хочет познакомиться и поздравить меня. Он по-своему трактует, что я сейчас нахожусь в составе редколлегии журнала. Он там делал доклад на тему «Философия и идеология». Я отдал его перевести. Когда он будет переведен, вы посмотрите. Он так изложил ясно точку зрения марксизма на этот счет, что ни один из наших официальных докладчиков и близко к этому не подошел. Потом он сделал вывод иной и в отношении религии стал доказывать с удивительно железной логичностью, что если все это так, а это так, то нужно по отношению к религии марксизму сделать такие-то выводы, и потом пошел, поскольку он работает в ХДП, он генерал Ордена иезуитов, ему лет 56–57.

А.А. Зиновьев, член редколлегии:

– Там кардинал – генерал¹⁶.

И.Т. Фролов:

– Может быть, это чисто условно – генерал в смысле того, что это большое лицо.

Доклад, который я отдал для перевода, он сам мне его вручил, не для того, чтобы в журнале его критиковали, я же, помимо всего прочего, поскольку моя супруга занимается марксологией, хотел уточнить некоторые вопросы. Я это сделал. Для того чтобы его точка зрения была более точной, он сказал: передайте вашей супруге этот текст, передайте ей от меня большой привет и скажите, что я молюсь за нее. Он очень своеобразный человек.

Я познакомился со многими из них, в том числе с Бохеньским¹⁷. Веттер некоторая противоположность Бохеньскому. Я уже говорил Мерабу Константиновичу¹⁸. У Сент-Экзюпери есть такое выражение: самое прекрасное, что есть в мире, – это отношения между людьми. Как раз у Веттера это очень хорошо проскальзывает. У него как у иезуита это может быть технически сделано или в силу личных особенностей, но в личных взаимоотношениях, во всяком случае, внешне, он очень терпимый и лояльный человек.

А.Ф. Шишкин, член редколлегии:

– У иезуитов колоссальная школа.

Ю.А. Замошкин, член редколлегии:

– Это веками воспитывалось.

И.Т. Фролов:

– Я не буду вам излагать сейчас содержания разговора, но когда разговор зашел далеко, я спросил у него: скажите, в самом деле вы верите в то, что говорите? Да, ответил он, я верю именно в человека; я должен сказать вам, когда выступал глава вашей делегации Федосеев и с мест раздавались разные крики и угрозы, я также молился за Федосеева. Конечно, он иезуит. Вот хотя бы такой типичный пример: он начал рассказывать, что он пересматривает многое из того, что он написал. Видит, что это устарело. И, в частности, говорит, что в советской философии и, в частности, в журнале «Вопросы философии», новые имена философов, которые активно функционируют, а другие философы – Митин – менее активно в литературном плане функционируют. – «Поэтому я жду с изданием новой книги». Потом поел мороженого, помолчал и сказал «вне связи с этим»: кстати, Марк Борисович подходил ко мне на Конгрессе, и когда никого не было вокруг, он сказал: «Г-н Веттер, что-то Вы меня разлюбили и давно обо мне ничего не пишете». (Смех.) Вот такая деталь, которая характеризует крайнюю степень иезуитизма Густава Ивановича Веттера. (Смех.)

Я об этом уже говорил. Видимо, будет много подходов к оценке этого Конгресса с разных позиций. Наша точка зрения: я должен сказать в предварительной форме мою и Митрохина точку зрения. Видимо, я буду помогать Митрохину воскрешать в памяти некоторые эпизоды и события, хотя автором будет он. У нас будет двойственное отношение к этому Конгрессу. Во всяком случае, невысокое мнение об этом Конгрессе. И двойственное, со знаком плюс и минус, будет и отношение к работе нашей делегации. Мне кажется, и в обзоре в журнале надо даже сделать некоторые критические замечания в этой связи. Я думаю, мы обязаны это сделать в адрес организации этого Конгресса. Это мы сделаем, и для этого есть достаточные основания. И в адрес наш лично. Почему? Это уже анахронизм – сто метров врага. Зачем же тогда приезжать туда? Наоборот, надо искать таких встреч, надо смело искать этих встреч, если ты себя считаешь правым. И если тебя приглашают есть мороженое, хотя ты и не переносишь его, – надо есть мороженое. Мне кажется, становятся анахронизмом выступления на таком уровне, который мы при всем желании не можем даже близко подпустить к страницам нашего журнала. Что-то тут нужно скорректировать, потому что это стало уже банальностью. Я имею в виду языковой подход. Мне кажется, что на среднем уровне это уже сейчас не проблема для философов. Во всяком случае, большинство философов, которые активно работают в области философии, могут если не свободно дискутировать на том или ином языке, но сделать доклад могут, тем более, что ставится вопрос о том, что и русский язык на этих конгрессах станет рабочим языком. Это уже не проблема, и это уже не производит впечатления, когда на международных симпозиумах и конгрессах выходит член советской делегации и на великолепном языке излагает банальные вещи. Такие банальности просто унижают. Я думаю, что мы это должны постоянно учитывать. Мы должны это учесть и при подготовке обзора.

На Конгрессе мы с Львом Николаевичем Митрохиным почувствовали, что к редакции нашего журнала относятся как к самостоятельной философской единице. К нам относились как к представителям определенного коллектива, который является научным коллективом журнала. В связи с этим мне кажется, что мы на страницах нашего журнала должны высказать свое мнение. Думаю, что это мнение будет учитываться.

В заключение я должен сказать, что два последних пленарных заседания были посвящены обсуждению философских проблем естествознания. Здесь мы, к сожалению, почти не были представлены. Я не мог прорваться, хотя мне хотелось и в одном случае, действительно, нужно было выступить и полемизировать, но этого нельзя было сделать, потому что нужно было заранее сделать заявку на выступление. Но там это произвело очень большое впечатление. Это парадокс, но это так.

Очень большой вес придало работе Конгресса, нашей делегации то, что в нее вошел Амбарцумян¹⁹. Он сделал доклад на пленарном заседании. В течение двух дней он, Айер, Поппер руководили этой дискуссией, и, безусловно, подавляющим авторитетом пользовался Амбарцумян. Очень умный человек, очень эрудированный. Он в философии не очень силен, но, когда начали нападать на него, что он считает себя диалектиком, материалистом, он очень умно, очень тонко и хорошо отвечал, быстро переходя к космогонии, и там уже безусловно подавлял.

Что мне еще не понравилось на Конгрессе. Ученые, которых я считаю серьезными, культивируют среди современных философов, недостаточно политически опытных, индифферентизм в отношении к идеологическим и политическим проблемам, создавая миф, что возможна какая-то чистая наука. Я жалею, что молодые и среднего возраста философы и логики не присутствовали при этом, – они убедились бы, как эти чистые философы, действительно крупные ученые «проявляли вкус» к дискуссиям политического толка.

Я связываю это с тем, что я сказал вначале. Я сказал насчет темы «философия и политика» и о том, как мы сами вынуждены поворачиваться. Даже в течение десяти лет моего наиболее активного наблюдательного функционирования я мог увидеть, как все это развернулось. Десять лет тому назад это невозможно было бы себе представить. Сейчас ни один человек не может считать себя культурным, если он не знает

Маркса, в деталях, его ранние работы. Он не может считать себя культурным человеком, если он не может говорить о Марксе, о марксизме. Это несовременно. Точно так же несовременно, что философ, логик активно не участвует в идеологической, политической дискуссии, если он не чувствует себя активно общественно-функционирующим человеком. Плохо это? Хорошо это? У меня есть свое мнение. Я не хочу сейчас рассуждать об этом, но должен сказать, что в журнале надо об этом сказать. Может быть, некоторым авторам надо об этом сказать. Я думаю, что и в обзоре мы скажем. Мы все это должны учитывать. Будет очень плохо, если мы, марксисты, окажемся не на должном уровне, если мы окажемся на позициях чистой науки, если мы будем замыкаться в башне из слоновой кости, а наши противники будут заниматься активной работой.

Что говорить, активный пример того, что мы пытаемся наверстать упущенное, – случай с Маркузе. Он был бы не интересен с точки зрения чистой науки, но мы будем несовременными, если не рассмотрим его творчество, если мы этим не займемся сами. Давайте этими вопросами заниматься. Это мой общий вывод.

И еще одно: вопросы философские, идеологические, политические ждут умных людей, просто умных людей, независимо от того, кто он: логик, социолог, философ естествознания или еще кто-то. Давайте все заниматься этими проблемами здесь, в этом журнале.

Нужно журналу придавать и хорошую социальную, именно хорошую, умную, не банальную, не трафаретную форму, и в этом смысле журнал будет современным.

Вот основные мои выводы, которые я сделал, побывав на этом Конгрессе и познакомившись со многими людьми. Кстати говоря, очень многие философы, едва ли не все подходили ко мне. Я ни у кого не просил статей для нашего журнала. Почему? Потому что в этом не было необходимости, так как большинство философов разных направлений подходили ко мне и даже в несколько робкой форме зондировали возможности опубликования их статей на страницах журнала «Вопросы философии». Разным философам я говорил разные вещи. Во всяком случае, я надеюсь, что в ближайшее время мы можем получить довольно много и в том числе неплохих статей от неплохих философов.

И последнее. Мы должны готовиться еще к одному. При всем том, что функционируют эти НТСовцы (это, вообще, подонки, мы и учитывать их не должны), но, скажем, Бохеньский, по-моему, находится на грани маразма. Это умный человек, но спившийся, маразматик. Его раздрают внутренние противоречия, он логик все же, и неплохой, и одновременно он вынужден заниматься (а то, что он вынужден, ясно) и занимается грязным политическим сводничеством и провокациями. Это я сам видел.

Кроме того, что есть Густав Иванович Веттер – несколько иного плана, академически-профессорского плана, мы должны готовиться еще к одной силе, которая становится на ноги сейчас. Мне пришлось познакомиться с этой силой: приехали молодые люди 25–30–32 лет. Тут их две категории. Во-первых, так называемые новые левые из Западной Германии. На пленарном заседании выступила одна девушка и в итоге своего выступления осудила марксизм. Но что интересно? В отличие от всех прожженных циников, это было довольно искреннее выступление, и оно произвело впечатление. Во всяком случае, я ей поверил.

Молодежь сама искала и выбирала мировоззрение и концепции, которые ей больше всего импонировали. Она изучала разные мировоззрения и различные концепции, в том числе и марксизм.

К чему они пришли? Сейчас помимо того, что есть негативные настроения, идет огромное брожение умов, в том числе и брожение умов среди молодых специалистов, и нужно что-то в новой форме свое марксистское преподнести, чтобы это фигурировало как один из возможных выборов для людей размышляющих, для этой молодежи.

Это одна сила. Очень тесно связанная с ней другая сила. С самого начала подошел ко мне некто Грилле²⁰. (Его доклад я привез сюда.) Бохеньский, сказал он, – это старье, Веттер – это лучше, но тоже старье. И как Митину Веттер говорил, так он говорил

мне: мы будем вместе, вы пишете, я буду о вас писать, а на них плюнем. Имейте в виду нас. У нас другие методы работы. – Какие другие? – спросил я. – Они много ввали, а мы не врем. Они плохо знают источники, не изучают их, фальсифицируют. (Он говорил на отличном русском языке.) А мы? Я вижу, что можно все излагать так, как это было, – и это будет против вас. – «Я сейчас написал книгу о Богданове». – Я говорю: а какие у Вас побудительные причины? Молодой человек, Вы муж такой красивой женщины, а занимаетесь такими нехорошими вещами: за кем-то следите, о ком-то пишете... – Он говорит: но у вас тоже есть специалисты по критике современности. Вы, наверное, с ними дружите? А потом Вы не правы: я изучаю критично. Но Богданов как мыслитель мне нравится. Мне нравится русская мысль. – Это результат активного функционирования этих институтов советологии. Это результат деятельности таких людей, как Веттер, выросли уже такие специалисты. Пока он, Грилле, широко не известен, широко не публикуется. Ни он, ни его коллеги. Но он более образован, чем эти антикоммунисты, – они знают нас уже. Давайте это проверим.

Потом мы с ним встречались. Он передал мне доклад, который он делал на коллоквиуме. Он не участвовал в антисоветских, сугубо политических демонстрациях, наоборот. Он просит слова – ему отказывают, и он задает технический вопрос: почему нельзя выступить, не записавшись? Нужно, чтобы была демократия. Он хотел выступить, а ему не дали слова (критиковал Лео Габриэля²¹). Тема – о партийности. Он говорит: мы хотим быть сугубо объективными, когда пишем о вас. – Я сказал в шутку: если хотите быть объективными, присылайте ваши работы на предварительное рецензирование в журнал «Вопросы философии». – Он сказал: Вы смеетесь, а мы всегда консультируемся с нашими знакомыми.

А Веттер, по докладу которого Папа Римский сделал ему замечание (я покажу доклад, который он сделал), внес исправление в доклад. И я ему сказал: ага, и Вам рекомендуют! – Он начал оправдываться: «Это не то, я знаю, как у вас... Мне папа сказал: “Если посчитаете нужным здесь поправить, может быть, Вы учли бы...”» – Я ответил Веттеру: «И Вы, конечно, поправили?» – «Конечно. Но и у вас так же...»

Вот то небольшое, что я смог вам рассказать. Я подчеркиваю, что это сугубо личное впечатление. Я вам не давал широкого обзора содержания Конгресса. Видимо, это еще будет сделано, в том числе и на заседании редколлегии будет докладываться и обсуждаться, и я, в том числе, расскажу о работе секций, в которых я участвовал: по философским вопросам естествознания, теории и методологии науки, но это уже в следующий раз.

Л.И. Греков, ответственный секретарь редакции:

– Веттер ничего не говорил о рецензии на его книгу?

И.Т. Фролов:

– Нет. Он спросил меня: когда выходит Ваша книга «Генетика и диалектика»? – Откуда Вы знаете? – Я получил каталог из издательства «Наука» и я это выписал.

До следующего раза!

Примечания

¹ Веттер Густав (Andreas Gustav Vetter, 1911–1991), иезуит, советолог, специалист по русской и марксистской философии.

² Мшвениерадзе Владимир Власович (1926–1990), советский философ, член-корреспондент АН СССР.

³ Митин Марк Борисович (1901–1987), советский философ, академик АН СССР.

⁴ Холличер Вальтер (Walter Hollitscher, 1911–1988), австрийский философ-марксист, член ЦК Компартии Австрии.

⁵ Фюрнберг Зигфрид (Siegfried Fűrnberg, 1902–1978), Генеральный секретарь Компартии Австрии.

⁶ Чесноков Дмитрий Иванович (1910–1973), советский философ, академик АПН СССР.

⁷ Айер Алфред Джулс (Alfred Jules Ayer, 1910–1989), английский философ, член Британской академии.

⁸ Поремский Владимир Дмитриевич (1909–1997), председатель Народно-трудового союза (НТС) в 1955–1972 гг.

⁹ Артемов (Зайцев) Александр Николаевич (1909(1910)–2002), председатель Народно-трудового союза (НТС) в 1972–1984 гг.

¹⁰ В июне 1968 г. И.Т. Фролов был назначен главным редактором журнала «Вопросы философии» вместо М.Б. Митина.

¹¹ Федосеев Петр Николаевич (1908–1990), советский философ, академик АН СССР.

¹² Константинов Федор Васильевич (1901–1991), советский философ, академик АН СССР.

¹³ Парсонс Говард (Howard L. Parsons 1918–2000), американский философ-марксист.

¹⁴ Кроссер Пол (Paul K. Crosser, 1896–1976), американский философ-материалист.

¹⁵ Данэм Берроуз (Barrows Dunham, 1905–1995), американский философ-материалист.

¹⁶ В 1965–1983 гг. генералом (главой) Общества Иисуса был священник Педро Аррупе (Pedro Arrupe SJ, 1907–1991).

¹⁷ Бохеньский Юзеф Мария (Józef Maria Bocheński, 1902–1995), доминиканец, советолог, директор Института восточноевропейских исследований при Фрибургском университете.

¹⁸ Мамардашвили Мераб Константинович (1930–1990), заместитель главного редактора журнала «Вопросы философии».

¹⁹ Амбарцумян Виктор Амазаспович (1908–1996), астрофизик, академик РАН.

²⁰ Грилле Дитрих (Dietrich Grille, 1935–2011) немецкий философ, автор книги «Противник Ленина. Богданов и его философия».

²¹ Габриэль Лео (Leo Gabriel, 1902–1987) австрийский философ, президент Международной федерации философских обществ.

Публикация и примечания Г.Л. Белкиной, С.Н. Корсакова, М.И. Фроловой